

История человечества знает ряд документов исключительной духовной силы. Выражая передовые идеи своего времени, волею народных масс, они, эти документы, сыграли важную роль в борьбе людей труда за лучшее будущее. К такого рода документам принадлежит, бесспорно, и опубликованное на днях Обращение июньского Пленума Центрального Комитета нашей партии к рабочим и работницам, к колхозникам и колхозницам, к советской интеллигенции, ко всем трудящимся Советского Союза.

Необычайно доходчиво, ярко и волнующе — так, как только партия коммунистов умеет говорить с народом, — характеризует Обращение новый, важнейший период, в который шагнула наша страна, — период развернутого строительства коммунистического общества.

Великий Ленин еще в первые, самые тяжелые, самые трудные для молодой Советской республики годы говорил о том, что если мы будем хозяйствовать разумно, экономно, используя все заложенные в советском строе возможности, опираясь на творческую инициативу народа, то наступит пора такого ускорения общественного развития, такого взлета экономики и культуры, о котором капитализм не мог даже мечтать.

И вот она пришла, эта пора! Мы вступили в решающий этап мирного экономического соревнования с капитализмом и уверены, что в кратчайший срок выиграем это соревнование. У нас имеется все необходимое для того, чтобы взять этот рубеж. В самом деле: какая капиталистическая страна могла бы заявить перед всем миром, что она борется за семь лет на восемьдесят процентов увеличить общий выпуск промышленной продукции, утроить производство электроэнергии, утроить мощь своей химической индустрии, на сорок процентов повысить реальные доходы рабочих и крестьян, построить для трудящихся пятнадцать миллионов квартир в городах и семь миллионов домов в сельской местности? А мы уже заявили и сделаем наверняка! Нашей стране, нашему народу это сегодня по плечу.

Выступая на Пленуме с большой речью, посвященной коренным вопросам коммунистического строительства, Никита Сергеевич Хрущев сказал, что жить нам, действительно, становится все радостнее не только год от году, а каждый день в году. Мы как бы откладываем огромные глыбы гранита и воздвигаем из них на века величественное здание нашего коммунистического общества.

«Как не гордиться всем нам вместе и каждому в отдельности всемирно-историческими успехами нашей Родины!» — говорится в Обращении. — Коммунистическая партия, пользуясь комплексом марксистско-ленинского учения, уверенно ведет советский корабль сквозь все бури и препятствия — к желанным берегам коммунизма. Как не испытывать огромного внутреннего удовлетворения, сознавая, что в общих победах есть и твоя доля, что не гостем, а полноправным хозяином шагаешь ты, гражданин Советского Союза, по жизни, и все, что видишь кругом, и все, что будет сделано, — это для тебя, для твоих детей, для всех нас, для советского общества — общества строителей коммунизма, для нашей Родины!»

Как сильно и вдохновенно звучат эти слова! Для тебя, труженик. Для тебя, хозяин жизни. Для счастья твоих детей. Для упрочения материальных и духовных богатств народа. Для дальнейшего укрепления могущества нашей Родины, первой пробывшей дорогой в коммунизм. Во имя этого партия зовет всех советских людей на новые трудовые подвиги. Во имя этого пламенно призывает она отдать все силы и энергию решению самой главной задачи нашего времени — выполнению и перевыполнению семилетнего плана. «Никогда еще не было у нас такого всеобъемлющего плана, как семилетка, где учтено и продумано все — от

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 83 (4049)

Суббота, 4 июля 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

К ЖЕЛАННЫМ БЕРЕГАМ КОММУНИЗМА

гигантских электростанций до детских игрушек, от большой химии до садов и виноградников. Все для человека, все во имя его блага! Вот наша великая цель, во имя которой мы идем, которую мы зовем и ведет ленинская партия коммунистов!»

Все советские люди видят, с какой подлинной ленинской страстью и последовательностью борется партия за улучшение жизни народа. Чтобы год от года все полнее удовлетворялись растущие материальные и духовные потребности трудящихся города и деревни. Чтобы было в нашей стране изобилие продуктов питания, одежды, обуви и других товаров народного потребления. Чтобы быстрее покончить с недостатком жилищ и обеспечить каждую семью благоустроенной квартирой. Чтобы облегчить труд, сделать его более производительным. Чтобы скорее достигнуть самого короткого в мире рабочего дня и самой короткой рабочей недели, высвободив тем самым больше времени для учения и отдыха советского человека, для овладения им богатствами культуры.

Политно, что все это не придет само собой, не свалится с неба в готовом виде. Достичь этого можно только самоотверженным трудом всего народа, нашей стойкостью и упорством, преодолением немалых трудностей и устранением недостатков и промахов в работе, энергичным и смелым внедрением во все отрасли экономики новейших достижений науки и техники. «В современных условиях, в век атома, электроники, химии, в век искусственных спутников победу дадут передовая наука и высшая техника, открывающие неограниченные просторы для роста производительности общественного труда, победу принесут железная воля и большевистская страсть, высокая организованность и революционная дисциплина миллионов».

Огромное, позитивное неопределимое значение для досрочного выполнения семилетнего плана и повышения жизненного уровня нашего народа имеют решения июньского Пленума ЦК КПСС. В этих решениях, в речи на Пленуме Никиты Сергеевича Хрущева дана развернутая, научно обоснованная программа ускорения технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства, вскрыты недостатки в деле внедрения новой техники и намечены пути их устранения.

Июньский Пленум ЦК КПСС призвал всех трудящихся нашей страны выступить в новый поход за технический прогресс, за высшую организацию произ-

водства и труда, против косности и консерватизма, расточительности, расслабленности и недисциплинированности, за бережливость, за экономное и разумное ведение нашего сложного, большого, богатого социалистического хозяйства. Пленум выразил уверенность в том, что все советские труженики проникнутся чувством высокой ответственности за свою работу, за ежедневное выполнение норм выработки и плановых заданий, за повышение качества и снижение себестоимости продукции, покажут новые образцы сознательного, коммунистического отношения к труду. Заслуживают общественного порицания те люди, которые, не давая обществу того, что должны дать, пользуются всеми благами наряду с тружениками, показывающими в работе образцы высокой сознательности и коммунистического трудолюбия.

В Обращении Пленума ЦК КПСС содержится призыв к каждому трудовому коллективу нашего общества, к каждому рабочему, инженеру, ученому, колхознику, агроному, учителю, врачу — подумать о том, как применить решения Пленума в своей практической работе. Нет сомнения, что во всенародном походе за технический прогресс найдут свое достойное место и советские писатели — ближайшие и надежные помощники партии во всех ее славных деяниях, направленных на благо народа.

«Товарищи, друзья!» — обращается к нам, советским людям, Пленум ЦК КПСС. — К новым славным подвигам в труде зовет коммунистическая партия, партия великого Ленина! Героическим трудом народа воздвигнем величественное здание коммунизма! Подвиги героев и героинь семилетки, самоотверженный труд людей нашего времени никогда не забудет наш народ, ими будут гордиться будущие поколения, будут гордиться люди коммунистического общества, будут гордиться все передовое человечество.

Исторические решения XXI съезда партии освещают путь нашей страны и всего человечества к коммунизму. Вперед, и только вперед, по этому пути! Еще теснее ряды вокруг испытанного вождя и организатора всех наших побед — ленинской партии! Все силы, всю энергию — на выполнение великих задач развернутого коммунистического строительства! Этот вдохновенный призыв находит могучий отклик в самой гуще нашего народа. Да и может ли быть иначе! Ведь миллионы и миллионы сердец бьются в унисон с большим, горячим сердцем Партии.

Цветы, Бурятия!

В ЭТИ радостные дни невиданного творческого подъема советских людей, вызванного историческими решениями Пленума ЦК КПСС, трудящиеся Бурятия АССР торжественно отмечают 300-летие добровольного вхождения Бурятии в состав России.

В Советской стране расцвела жизнь талантливых и трудолюбивого бурятского народа. Теперь в Бурятии более 300 заводов, фабрик, шахт. Крупные многоотраслевые коллективные и государственные хозяйства обрабатывают 800 тысяч гектаров земли, неуклонно развивают основную отрасль — животноводство.

Сегодняшняя Бурятия широко пользуется благами культуры, она располагает большим отрядом научной, технической и художественной интеллигенции, густой сетью учебных заведений, культурно-просветительных и научно-исследовательских учреждений. Труженики Бурятии, постоянно ощущая благотворное влияние мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства, стремятся внести достойный вклад во всеобщую культуру и в культурно-просветительную работу за пределами коммунизма в нашей стране.

Дамба ЖАЛСАРАЕВ

МУЗЕ

Э-э-эй!
Не ты ли, табуна настгая,
Летишь, как шальная гроза?
Мальчишкой вижу тебя я,
Всю ночь не смыкавшим глаза.
Ты скажешь быстрой, рысистой,
И песеню сон разстрелю!
Над утренним лугом росистым
Не ты ли, не ты ли поешь?

Э-э-эй!
Под ветром порывисто-свежим
Не ты ли направляешь баркас?
Стоишь ты в рыбацкой одежде
С усталой улыбкой у глаз.
Смирная прибрежные волны,
Встречающим радость несешь,
Над грозным Байкалом приволновым
Не ты ли, не ты ли поешь?

Э-э-эй!
Под небом просторным и чистым
Ты пахнешь загоном у реки,
И в ясных глазах тракториста
Улыбка дрожит огоньки.
Здесь встанут потом на приволье
Овес, и пшеница, и рожь,
На все это широкое поле
Не ты ли, не ты ли поешь?

Э-э-эй!
Не ты ли — повсюду, где праздник
Будуешь в труде молодом?
Живешь ты хорошей и разной
Во всем, что творится кругом.
Ты бури смирнешь по праву,
Ты мрак изгоняешь и ложь,
На всю на родную державу
Не ты ли, не ты ли поешь?

О муза! Работай, бросаясь
В клянех большого труда!
Прекрасней ты древних красавиц,
Будь людям открыта всегда.
Большой открылась новью,
Лети ты в любые края,
И все тебя встретят с любовью,
Рабочая муза моя!

Перевел с бурятского
В. Виноградов

НА СНИМКЕ: студентка Улан-Удэнского музыкального училища имени П. И. Чайковского Лида ДАДУЕВА. Фото А. Малкина

ВЕСЕЛО, КРАСИВО, УМНО...

Дон Кихот и Швандя на улицах Риги

НА ДНЯХ рижане стали свидетелями необычайного происшествия — среди бела дня на центральные улицы Риги выплеснулось и разлилось рекой шумная толпа литературных героев. Десятки тысяч людей воочию видели, как прошагал погруженный в раздумье принц Датский, прохал верхом на Росинанте рыцарь печального образа, сопровождаемый верным оруженосцем на маленьком ослике. Прогарящая райнисовский «Золотой конь», пропыляла на первой скорости, слегка покачиваясь на ходу, описанная Толстым историческая изба: там шел совет перед сражением, и даже малыши, сидевшие на плечах у своих отцов, узнали черную повязку Кутузова. Пронесли свои сети суровые рыбаки Вилиса Лациса. С песнями прогрессивных трактористов колхозников Анны Броделе и Анны Санке.

Проходят молодоговядейцы, Павла Корчагина с товарищами. Над головами плывет замысловатый снаряд с надписью: «Рига — Венера — Рига». Это идут астронавты из популярного среди молодежи романа современного польского писателя Станислава Лема.

Читатель, конечно, понимает: это только карнавал, праздничное шествие. Добавим для точности — шествие, организованное трудовыми резервами Латвии в связи с окончанием учебного года.

В Риге массовым шествием удивить нелегко. Латыши — признанные мастера карнавальской игры, для них карнавал — обычай. Те, кто хоть раз побывал в Латвии во время традиционного праздника Лиго, могут это подтвердить. Меня поразило тоже нелегко. Я бывал в Лужниках и в парках Москвы в дни фестивалей. Масштабами меня не возьмешь. И все же...

Выдавшие виды рижане покорены. Из зашумевших тротуаров толпы, из окон и с балконов зданий несутся приветственные клики, смех и аплодисменты. И я стою в этой толпе, радостный и слегка растерянный, смеюсь и аплодирую... Что же я видел? И почему то, что я видел, хорошо?

Невозможно, стоя в толпе, разглядеть каждого из четырех с лишним тысяч участников шествия. Самый популярный образ, самый удачный исполнитель имеет возможность задержаться на себе внимание зрителя в течение нескольких десятков секунд. Стоило ли надевать тяжелые доспехи или мазать с ног до головы краской, чтобы промаршировать в шеренге ратников или скаковых чертей? Вероятно, не стоило, если бы за этими секундами не стояло нечто большее — целые месяцы увлекательной подготовительной работы, если бы шествие не было только заключительным аккордом, точкой, восклицательным знаком!

Все видит, что одежки героев не лежали в пронафталиненных сундуках театральные костюмеры. Достаточно секунд, чтобы это оценить. Костюмы сделаны руками самих участников. Для этого мало умелых рук, — нужно считать и перепроверять, советовать со знающими людьми и рыться в материалах, фантазировать и импровизировать, словом, погрузиться в мир художественного произведения гораздо глубже, чем при обычном школьном изучении...

Вот не спеша, вразвалку, движется матрос-черноморец. Матрос безоружен, связан. Его спутники вооружены. Мне не надо объяснять, кто этот матрос. Я узнаю его по выразительно простодушной отгадке, по озорной усмешке, по всей повадке бывшего моряка. Его зовут Швандя. Его выдумал Константин Тренев. Он же выдумал обоих конвоиров. Достаточно на них взглянуть, чтобы понять: один — кулак и шкура, а другой — ничего, хороший мужик, но еще не сознательный...

И, еще не поговорив ни с кем, я догадываюсь: этой безмолвной сцене предшествовала длительная работа над сценическим отрывком, а может быть, и целый спектакль.

А вот на медленно катящемся грузовике выступает живая театрализованная группа. Похожа на «Синюю блузу». Это и есть «Синяя блуза» — так назывался славный коллектив молодых подпольщиков, проводивший большую работу в условиях буржуазного режима. Ребята из 2-го художественного ремесленного училища раздобыли сохранившиеся в архиве охранные подлинные тексты, разыскали бывшего участника подпольной группы, ныне уже ветерана, при его помощи восстановили частицу репертуара.

Мне кажется, что организаторы шествия поступили очень умно, развязав инициативу учащихся и учащихся. Они бросили зерна идеи и дали им взойти. Они поняли, что нет на свете такого великого режиссера, который один смог бы думать за несколько

тысяч живых, веселых, самостоятельных юношей и девушек. Поэтому они не подчинили карнавальную игру железному тематическому плану, не занимались аттенарской дозировкой, не требовали единообразия, не пытались навести хрестоматийный глицей. Пусть кто-то старается «жить в образе», а другой заботится о внешней выразительности. Одни изображают людей, другие — фантастических персонажей. Есть энтузиасты, выступающие в роли неуловимых — волшебной метлы или афишного столба. Пусть. Зато чувствуется свободный выбор, видно, что герои взяты из книг, действительно читаемых и любимых.

Шествие открыла большая группа девушек и юношей в национальных костюмах. Они несли двухметровую эмблему, символизирующую трудовые резервы. Эмблема — простейший из символов. Символ, заключенный в ее ниспадающих, глубже, шире: народ — начало всего, начало. Истоки всякого художественного творчества — в народе.

Столь же символически финал шествия, когда на набережной Даугавы литературные герои слились с поглощающей их народной массой.

Из народа и для народа. Как разнообразны запросы, вкусы, устремления! В головной колонне идет двенадцатиклассное Научное общество профессионального училища. Оно было сформировано в качестве опытного еще в период всенародного обсуждения. Записки Н. С. Хрущева об укреплении связи школы с жизнью. Теперь уже ясно — этот эксперимент себя оправдал полностью. В этом училище есть совсем крошечные воспитанники. Куда стрелится душа малышей? Конечно, в мир сказки. Маленький Сприндита (латвийский Мальчик-с-пальчик) изображает десятилетний Янис Ирбе. Он только что перешел в третий класс. Янугубецкий демонстрирует эффектные романтические фигуры из пьес Райниса. Руныцы показывают быт старой буржуазной Латвии — перед зрителем проходят точные типажы «Цепелиса» П. Розита и «Риги» А. Деглава. 17-е художественное ремесленное училище отличается профессиональной зрелостью и отшлифованностью деталей. В этой колонне собрана чуть ли не вся западная классика. Много персонажей из книг советских писателей.

То, что мы видели в этот день, обогатило всех — и участников, и аудиторию. Есть о чем задуматься и писателю. О чем?

Например, о том, почему молодежь любит один книги и равнодушна к другим? Почему из поколения в поколение передается любовь к «Трем мушкетерам», к «Спартаксу», «Олегу»? Не берусь судить, в какой мере заслуживают названия классиков Дома-отца, Джованьоли или Войнич, но несомненно одно — любовь молодежи к их творениям не ослабевает. Полезно задуматься, какие качества героев, какие особенности сюжета и конфликта породили эту немеркнущую любовь?

Разве не стоит задать себе простой вопрос: читают ли меня учащиеся ремесленных училищ? Ибо трудовые резервы — это и читательские резервы. Подумать о них — отличное лекарство против снобизма и многих других литературных болезней. Конечно, есть книги, до полного понимания которых молодежи надо еще дойти. Но несомненно одно: сейчас писателю уже невозможно существовать в литературе, не думая о массовом читателе. Не о массовых тиражах, и они, бывает, лежат мертвым грузом на полках, а именно о массовом читателе.

Мы часто размышляем о соотношении книжного и народного. Латвийский ремесленник продемонстрировал близость этих двух начал. И с особой ясностью ощущается, как прав был Чехов, говоривший: «...все мы народ, и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное».

Александр КРОН

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

☆ В. Кетлинская, С. Кирсанов, М. Светлов, С. Щипачев. В защиту Манолиса Глезоса

☆ А. Крон. Весело, красиво, умно...

☆ «Литературная газета» в Сибири.

☆ М. Исаковский. Об этом надо сказать решительно и прямо.

☆ Н. Грудинина. В дом вошло мешанство...

☆ Н. Дубов. Никчемушно. Отверток из повести.

☆ Я. Смеляков, Л. Выщеславский.

☆ Литературное обозрение.

☆ Новости искусства.

Отдадим свои силы, свое вдохновение народу!

Задача, стоящая перед работниками культуры столицы в связи с приветствием ЦК КПСС Третьему всесоюзному съезду писателей и выступлением Н. С. Хрущева на съезде, было посвящено вчера собрание творческой интеллигенции в Московском городском комитете партии.

В своем докладе министр культуры СССР Н. Михайлов, говоря об огромном значении закончившегося только что Пленума ЦК КПСС, подчеркнул, что нет перед литературой и искусством задачи более важной, чем активная помощь партии.

Выступавшие в прениях В. Мурдели, Г. Орланд, В. Сури и другие говорили о том, что деятели искусства восприняли приветствие ЦК партии Третьему съезду писателей и выступление Н. С. Хрущева как важнейшие партийные документы.

— Мы живем в необыкновенное время. Это удивительное время сделано нас дерзновенными мечтателями. Но мы заглядываем в будущее не глазами праздной фантазии, а цифрами и точными расчетами великих планов, — заявил в своем выступлении С. Щипачев.

Собрание творческой интеллигенции Москвы приняло Обращение к Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

С ПИСАТЕЛЬСКИХ СОБРАНИЙ

Наш долг

НА ЭТОМ собрании шел разговор о долге писателей в период великого семилетия, об изображении человека коммунистического труда, о художественном мастерстве, к которому с каждым днем предъявляются все большие требования, о борьбе с серостью и трафаретом в литературе, — разговор о проблемах, поставленных III Всесоюзным съездом писателей, приветствием ЦК КПСС и замечательной речью Н. С. Хрущева.

Докладчик Г. Севуцкостановился на задачах армянских писателей в отражении современности.

— Семилетка — это главная тема, — подчеркнул выступивший в прениях Наира Зарьян.

— Что еще не хватает многим из нас? — спрашивает Гурген Боян. — Умения изображать человека с его видением мира, его психологию.

Серо Канадзян призывает непримиримо бороться против серых, низкопробных произведений, которые еще нередко пробивают себе дорогу.

В прениях принял участие также М. Шагири, С. Арутюнян, В. Григорян, В. Атрин. На собрании выступил первый секретарь Ереванского горкома КП Армении О. Багдасарьян.

Отвести руку палача!

Советские люди поднимают голос в защиту Манолиса Глезоса

Остановим преступление

Многие подвиги остаются в веках символами народного духа и чести. О таких подвигах матери рассказывают сыновьям, чтобы воспитать в них мужество и благородство. В мае 1941 года молодой патриот Манолис Глезос совершил именно такой подвиг. Дерзкий тогда греческого юноши прозвучал тогда во всем мире как боевой клич антифашизма. Имя Манолиса Глезоса прозвучало как символ борьбы и надежды.

Каждая страна, каждый народ гордился бы таким сыном. Манолис Глезоса чтит греческий народ и все передовое человечество. Но Манолиса Глезоса трижды приговорили к расстрелу: один раз гитлеровское гестапо и два раза — греческий трибунал. Какой позор!

И вот теперь — новая чудовищная вещь: народного героя Греции обвинили... в шпионаже. Греческая реакция смеет обвинять лучшего патриота Греции в измене. Это кажется дурным фарсом, но это — постыдная действительность. Используя закон, принятый еще во времена диктатуры Метаксаса, Манолиса Глезоса собираются судить военный суд. Манолису Глезосу грозит — по этому подлему закону — смертная казнь...

Остановим кровавое преступление, люди!

Пусть голоса всех честных людей прибудет рваться в стены неправедного суда: руки прочь от Манолиса Глезоса! Свободу Манолису Глезосу!

Вера КЕТЛИНСКАЯ

ЛЕНИНГРАД (По телефону)

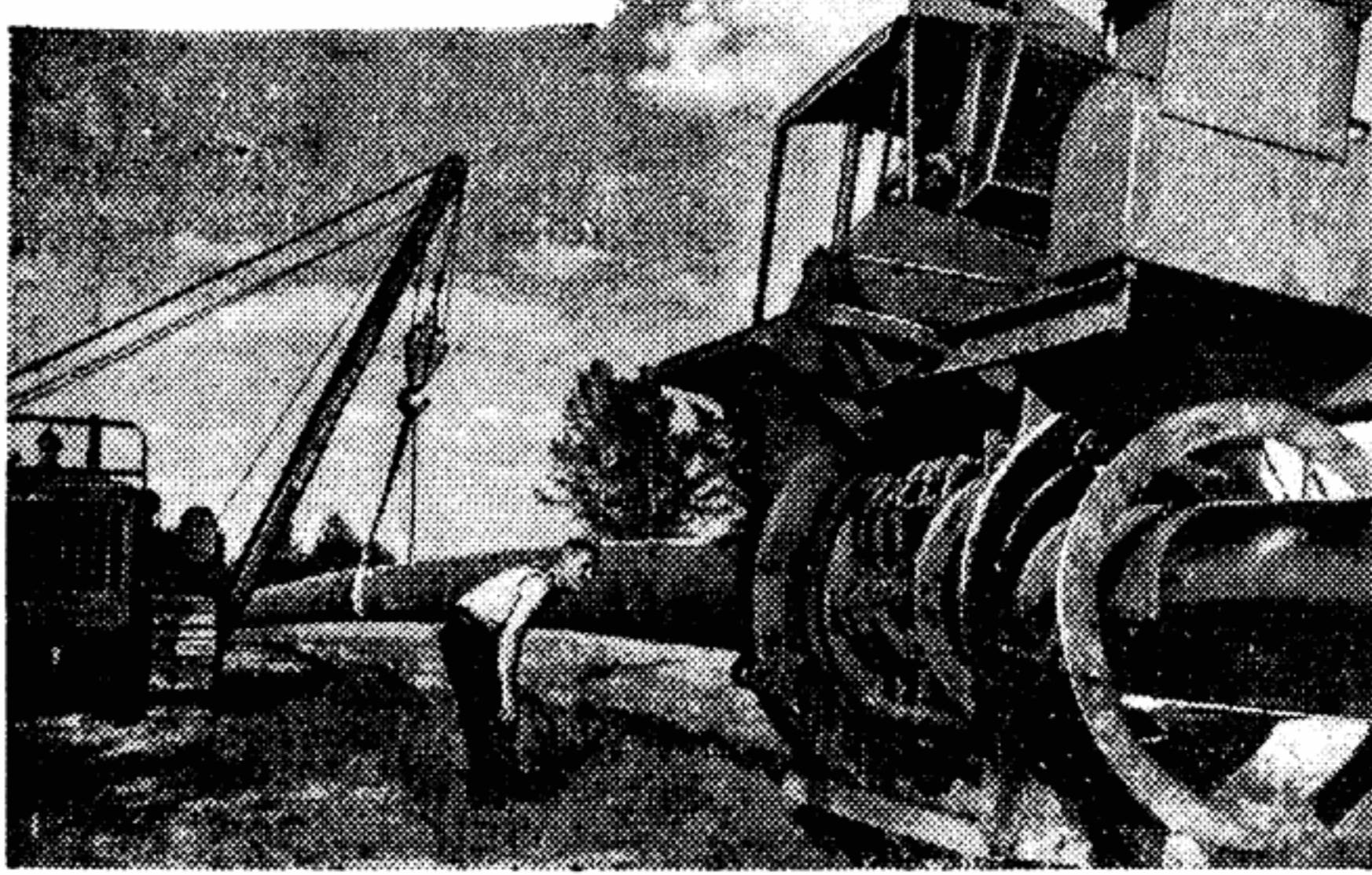
Други брат

Разум отказывается верить, сердце не хочет мириться: те самые свойства человеческого духа, которые во все века были нашей гордостью и почитались гражданской доблестью, — отвага, самоотверженность, любовь к родине, — присвоил героя греческого народа Манолиса Глезоса в тюремную камеру. Нынешние властители Греции хотят проложить этот путь до конца. Да будет им известно, что если они решатся пролить кровь Глезоса, то имена их будут покрыты вечным позором, их

заклеймят презренным не только собственный народ, но и все человечество. Советские люди давно привыкли считать братьями тех, кто борется против угнетения и бесчеловечности, к какой бы нации они ни принадлежали, какого бы цвета ни была их кожа, на каком бы языке они ни произносили слова «свобода» и «мир».

Брат и друг наш Манолис! Прав и справедлив на твоей стороне, и мы верим, что они встретятся! — Степан ЩИПАЧЕВ

БРЕВАН. (Наш юмор)

НЕФТЬ ИДЕТ К АНГАРЕ

ОДНО из грандиознейших сооружений современности — свердловский нефтепровод Туймазы — Иркутск, 3632 километра — вот его длина!

От волнистых степей Башкирии к предгорьям Урала, взгрябывая в скалы гор, пробиваясь по необозримым сибирским просторам, через болота и реки, — а среди них гиганты Иртыш, Обь, Енисей! — сквозь дрибуны тайги пройдет к Ангаре эта уникальная нефтяная магистраль.

Неисчислимы трудности, преодолеваемые строителями, полон высокого героизма их труд.

Одержана первая победа: от Туймазы до Омска нефтепровод уже вступил в строй, и нефть пойдет в Сибирь. Начались трудовые бои и на трассе Омск—Иркутск.

Выездная редакция «Литературной газеты» в Сибири прислала из Красноярска фото М. Трахмана — живое свидетельство этой замечательной трудовой олимпиады.

Идет прокладка стальных труб через быстрые реки Енисей — великой сибирской реки.

Водолазные решениями ионского Пленума ЦК КПСС, определяющими пути дальнейшего подъема производительных сил страны, строители нефтепровода выполняют свою нелегкую и ответственную задачу настойчиво, самоотверженно и умело.

На снимках (слева направо): 1. Изолировщик А. Яковлев наблюдает за работой автоматической очистительно-изоляционной машины. 2. Сварщик Л. Ермаков сверяет трубы нефтепровода. 3. (Внизу). Водолаз С. Манько перед очередным погружением на дно Енисея.

Фото М. Трахмана

За годы Советской власти бурятский народ достиг огромных успехов в культурном строительстве, в развитии своей литературы. В Бурятии работают многие известные писатели. Прозаики Хейд Намсарева, Намжил Балдан, Жамсо Тумунова, Нитата, в республике растет талантливая литературная молодежь. Мы публикуем сегодня рецензии на новые книги Ч. Цыдендамбаева и молодого поэта Н. Дамдинова.

Под синим небом, на зеленой земле

Николай Дамдинов «ГУДАЧЬЕ СОСНЫ» «Молодая гвардия» 1959

Имя молодого бурятского поэта Николая Дамдинова я впервые услышал года три назад. Он учился тогда в Литературном институте, и сведущие люди говорили мне о его сильном и обещающем даровании. Теперь вышла книга маленьких поэм Дамдинова «Гудачье сосны», и мы сами можем проверить правильность слухов. А то ведь бывает и так: идут усиленные разговоры о каком-нибудь новом таланте, но об ограниченных редакторах, которые по своей косности не печатают произведений незрелого таланта. Но вот все препятствия преодолены, книга вышла, и мы с удивлением видим, что она ничуть не соответствует ожиданиям, что, выйдя из малых салонов на большое литературное поле, новый автор сильно потерял, и вображаемые красоты его стихотворений на свету божьем сразу поблекли.

С книгой Дамдинова этого не случилось. Она написана рукой безусловно талантливого человека, написана широко и смело. Она наполнена неистощимым оптимизмом, жадным восприятием красоты мира, богатством красок и запахов. Она принципиально противопоставляет всяческим унылым виршам, созданным разочарованными молодыми людьми.

Дамдинов пишет размашисто и свободно. Широта и свобода его поэмок, написанных вольным стихом, предпринята и беспредельными просторами бурятских степей, и величием чистого советского времени. Недаром одна из поэм посвящена Владимиру Маяковскому, и не для красного слова молодой поэт говорит в ней:

С Лениным, — солнцем под беседовал... И мысли во мне закипает больше. Из этой комнаты, — с места этого, Хочу размазнуться пошлере.

Перевел Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

От его книги остается ощущение, что поэт писал ее не в тесной комнатке, под низким потолком, а под синим небом, на зеленой земле. И кажется, что именно поэтому у него возникают такие строки:

Вдруг заметил: чем письма позней — имя матери светит тусклей,

Чингиз Цыдендамбаев «НОВЫЙ ДОМ» «Молодая гвардия» 1959

Удивительное и радостно слышать о новых географических открытиях. Впрочем, говорят, что в целом их эра миновала, что на карте почти не осталось белых пятен. Но не закончилась и никогда не закончится эра художественных открытий. Вот такой новизной первооткрытия отличаются книжка рассказов Цыдендамбаева.

Небольшая по размеру (книга состоит из двадцати рассказов), она со всей предельно своей, порой наивной, непосредственностью приобретает нас к достаточно знакомой области жизни. И мгновенно становятся скучными, жалкими те представления о Бурятии, какие можно почерпнуть из историко-географических книг. Что из того, что на страницах какого-нибудь учебника изображена старая бурятская юрта? Вот когда мы увидели бедняка Галши, жившего в ней с семьей ребятками, или больного Монгоана, который перед своей смертью сочиняет легенду о зарытом им для семьи кладе, бурятская юрта становится обжитой и близкой. Автор лиричен во всякой экзотичности. Как мычались в ней люди до революции!

Вспоминать великого Шевченко, который поклялся нам украинскую хату, где в страданиях шло его детство. Книга «Новый дом» поэтична. В ней дышат травами свежие помысы. Горные хребты уходят в забайкальские дали, старые березы склоняются над новой порослью. И все это изображается через человека, через многообразные человеческие характеры.

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

Свежесть первооткрытия

Хитрый, своеобразный Салдага Ямпил, дурчащий легковесных людей всевозможными небывальщинами, и смелый комсомолец Ананда, и Намджилай Будаева, впервые в бурятском искусстве подмалоскающая злое и защиту женщины матери, и Балдан Санхирю, строящий себе при помощи всего улова новый дом — все эти судьбы делают для нас далекий бурятский край близким.

Цыдендамбаев умеет в этом умении — многое от фольклора метко обрисовать характер. Об одном ревинтее старинный автор говорит так: «Он сладко, точно сливая мед с большой ложкой, принялся говорить о том, что было когда-то. У него тогдашние помои превращались в масло, дрянная тряпка обрабатывалась дорогим шелком».

В языке автора, как степные цветы, прелесть поговорок и пословиц.

Как во всех истинно художественных произведениях, в книге «Новый дом» наряду со всеми ее героями присутствует еще один — сам автор. Лирический герой книги в данном случае выглядит необычайно сердечным, добрым человеком. Это особенно чувствуется, когда речь заходит о детях.

В некоторых рассказах внешний сюжет почти отсутствует, зато много внутреннего движения, настроения, чувства, что приближает форму рассказа к стихотворению в прозе.

Новый дом бурятского народа — светлый, просторный, большой — заселен трудолюбивыми людьми, чья душа открыта высокой поэзии...

Читая эту книгу, не комары и всевозможная мошкара и не воешь и гого свет а. Разве Маркову не известно, что комары (например, в лесу) днем кусают едва ли не всех, чем ночью? Разве Марков не знает, что всевозможная мошкара поедом поедает животных, оутывшихся в дневное время в лесу или в дугах? Разве это не факт, что коров, например, в летнее время выгоняют на пастбище еще затемно, до того, как взойдет солнце? Делается это по двум причинам: для того, чтобы корова могла покориться на пастбище в прохладные часы, до наступления жары, и для того, чтобы ее не мучила «всевожможная мошкара», которая вылетает именно в дневное жаркое время и целыми тучами носится над животными.

Отдельные виды комаров (например, малярийные комары), действительно, ведут ночной образ жизни. Но зато все

Ты стала цветом и аших глаз, И без тебя нет в мире нас. (Подчеркнуто мною. — М. И.)

Откуда взялись эти «наших» и «нас» и чем вызвано их появление? По всей видимости, мы вновь имеем дело с небрежностью автора, с неуменем или нежеланием его находить нужные слова.

Я сначала подумал: может быть, стихотворение «Храм полей» является у Маркова исключением из общего правила. Ведь у каждого поэта, даже самого лучшего, среди хороших стихов бывают и плохие. Может статься, и у Маркова так: среди хороших стихов попало одно плохое, вот и все.

Но оказалось, что все стихи Маркова, написанные в «Комсомольской правде» 31 августа 1958 года, едва ли лучше того, о котором я здесь говорил. Они больше похожи на первоначальные наброски, на черновые записки, чем на стихи, готовые для печати. (Некоторые исключения составляют, может быть, лишь небольшие стихотворения «Питивин»). Так что мое предположение не подтвердилось. Не подтвердилось оно и в дальнейшем, когда я ознакомился со стихами Маркова, напечатанными в других изданиях.

Одним словом, создается впечатление, что плохие стихи у Маркова преобладают, что пишет он их во множестве, пишет страшно небрежно и что это стало у него своеобразной «длинной повесницей».

И очень огорчительно, что некоторые услужливые редакция вместо того, чтобы остановить Маркова, чтобы сказать ему прямо и откровенно, что писать так, как он пишет, нельзя, что это уже не поэзия, а квазипоэзия, поэзия не настоящая, а мнимая, даже просто графоманство, — вместо этого они с непонятной поспешностью открывают перед стихами Маркова «зеленую улицу». К чему это? Надо ли, например, было газете «Литература и жизнь» печатать те три стихотворения Маркова, которые она напечатала 14 июня этого года? Вот одно из них — «Комары» (привожу полностью):

В дом вошло мещанство...

ВСПОМИНАЮ случай в больнице. В один из дней я дремала на койке в «тихий» послеобеденный час и вдруг услышала в коридоре медово-звонкие громкие голоса.

— Нет у меня мужа... — Вы русский язык понимаете? Я говорю — не разрешается! — Бюрократка вы, больше никто... Пустите!..

— Оскорбляете? — казенный голос стал визгливым. — Мужа нет! Оно и видно! Кто с такой жить будет! Молчанье.

Я натянула халат. Вышла в коридор. Посреди коридора стояла женщина. Рука в гипсе на перевязи. Лицо красное. В глазах слезы обиды.

Медсестра — незнакомая. Вероятно, не из нашего отделения. Впрочем, где то я ее видела раньше... Неужели — Вера?

С трудом я узнала в расплывшей, надменного вида женщине бойкую девчонку-санструктора, с которой некоторое время служила вместе в годы войны. Вера тоже узнала меня, как то разм подобра, отгела большую женщину к телефону. Потом мы вспомнили фронт.

Спустя неделю я выписалась. Пришла к Вере домой. Познакомилась с ее мужем и матерью. Узнала и увидела многое в послевоенной жизни этой семьи. И вот решила рассказать о том, что причинило мне боль.

Хорошим санструктором была Вера. Чутким, душевным, смелым. Демобилизовалась спустя год после войны и вышла замуж за молодого слесаря машиностроительного завода. У Ильи (так звали Верного мужа) повадка степная, разговор рассудительный, даже философский. Заверил он меня, что Вера с ним не будет знать нужды. Работать на первых порах жене не позволил. Какой же это дом без хозяйки? Ведь тепа стара, ей покой надо дать. А обеспечить семью обязан муж. Так испокон веков водится у порядочных людей. Все это подучало старуху. А Вера — что скрывает — устала от войны и с удовольствием занялась домом.

Тосковать о работе не оставалось времени. Муж требовал порядка, уюта. Сам хоть и работал слесарем невысокого разряда, зато умел подработать. Чем? Мастерил ножики, бра, люстры со стеклышками — для рынка. Металл брал из отходов, выносил из завода под лавой.

Правда, сам Илья над своей кустарщиной поспеивался. Ему подли настоящие вещи, для которых нужны деньги. Зарабатывать их он и приходил на рынок. Попутно с торговлей своими «изделиями» он не брезговал и мелкой спекуляцией тут же на базаре. Купит по дешевке кирзовые сапоги у смущающегося юнца и перепродает их потом с выгодой.

Илья подметил в Вере некоторые удобные для рынка качества — теплую манеру смотреть в глаза, умение распотрогать, проникновенные нотки в голосе. Все, что было когда-то по-хорошему на месте в Верной медицинской профессии, все нашло свое дурное место в новой, странной жизни. Иена Илья приходила в универмаг к открытию,

Наталья ГРУДИНИНА

«ловил» ходовой ширпотреб, выставила в очередях за дефицитным в то время тюлем или детским трикотажом. Потом продавала все это с небольшой, но верной прибылью. Винны за собой не чувствовала. Илья всегда находил оправдание: люди, мол, после войны большим делом заняты, где им время терять на стояние в очередях. Переплачивать «платерку» им ничего не стоит, еще и спасибо скажут...

Крупная спекуляция супругов не сообразилась. Незачем рисковать, лучше скопить денюжку и безопасно, камень по камню, сложить дом. У Ильи был неплохой вкус: где случился по дешевке, где за небольшую валюту он ежемесячно поставил в дом что-нибудь красивое — то изящный сервиз из комиссионного магазина, то модную цигейную шубу жене, то «стильную» мебель. Вера не перечила и считала свой брак счастливым.

Так казалось и людям со стороны поначалу. Живут себе муж с женой душа в душу, вечно заняты чем-то, а чем — некогда да и ни к чему совать нос в чужие дела. Одно стало малопомалу не нравиться соседям: каждая приобретенная обновка словно бы что-то портила в характере супругов.

С каждой новой вещью в доме крепилась властная нотка в голосе супругов, осянка делалась кичливее, — и именно поэтому с неприязнью стали относиться соседи к Илье с Верой.

Завидуют, — пренебрежительно ценят Илья. — Мелкие у нас люди в квартире.

МНЕ не раз приходилось читать в газетах разоблачающие статьи о жуликах и спекулянтах, мастеров крупной сделки. За перечень преступлений встают люди жадные, наглые. Мысли этих людей пошли по какому пути личной наживы, а где, в какой точке жизни начался их кривой путь, — этого они и сами толком не помнят. По всей вероятности, с малого началось их моральное падение, и где-то в памяти затеряна этакая коммуналная квартирка с четкой супругами-родителями, научивших своих детей «удобной» формуле: «начать на общее благополучие, было бы свое брохо сыграть».

Мещанство многолико и пытается проникнуть всюду «без различия классов и сословий». Я коснусь одной лишь из его сторон.

Взять того же Илью. Внутренний мир его — страсть к наживе, оторванность от интересов коллектива, пренебрежение к людям, невежество.

Илья каким-то образом удалось ограничить свое образование четырьмя классами школы. Я говорю «удалось», потому что мало кто из ленинградцев имеет сейчас такое низкое образование. Даже неспособного ученика «ткнул за уши» школа, семья, общественные организации. А если ребенка и постигает какая-либо случайная беда, не позволяющая ему окончить школу, то уж взрослому-то человеку, работающему на заводе, чуть ли не в обязанность вменяется учиться в вечерней школе.

Но став тылом в труде физическом, Илья усвоил себе презрение и труд умуственному, потерял способность видеть, что духовно растущий молодой рабочий его бригады — это тот же интеллигент, что к тому и идет наше общество, чтобы каждый его член

стал интеллигентом, потому что практические перестает существовать физическая работа в чистом виде и умственная — в отрыве от физической.

А Вера? Почему она, чуткий санструктор, дошла до мещанской перепалки, до оскорблений в адрес больной и взволнованной женщины в больнице? Да потому, что несколько лет нерабочей семейно-бытовой жизни запылили, обезцветили душу.

Деневое сознание материального превосходства, которое вырастила в себе Вера, научило ее мерить людей на свой аршин, что тоже свойственно мещанам: как я живу — так и правильно. Кто хуже живет — тот хуже меня, тому грубить можно, отгородиться равнодушием от истинных причин той или иной беды или неудачи. Ум, культура, начитанность можно не уважать, если качества эти не имеют (безразлично почему) материальных атрибутов — денег, вещей. Помните, у Маяковского:

Страннее Врангеля обывательский быт. Скорее головы канарейкам сверните — чтоб коммунизм канарейкам не был побит!

Наш строй порождает и растит духовно богатых людей. Их личное материальное благополучие растет вместе с ростом общественного благосостояния. Мещане же думают только о себе.

Много разности имеет эта уродливая порода людей. Одни — тихие, жадные подхалимы, другие — крикливые фразеры, третьи — надменные ханжи. Оставаясь равнодушными к советскому строю, они, как никто другой, умеют пользоваться благами, которые несет людям народная власть. Тот же Илья не забудет зайти в завком чего-нибудь попросить, а то и потребовать.

— Я вкалывал, как лошадь... Что же я — не заслужил? Мещане уважают вещи как символ личного благополучия, как атрибут власти.

Знаю я одного директора завода. Он заработал инфират на своем трудном посту. Он — волевой организатор, человек глубоких знаний. В быту скромный. Квартира его обставлена лишь самыми необходимыми, завалена книгами. Но кто-то недомыслиющий считает, что человек этот не может и не должен обходиться на работе без особых предметов, символизирующих его власть, и укрепляющих его авторитет руководителя. И вот директору суют ковер под ноги, пальцы в углы кабинета, малахитовый чернильный прибор на стол. Директор ворчит, спотыкаясь о край ковра, некогда ему любовавшись пальцами, пишет он авторучкой. Но ко всей окружающей пышности относится, как к чему-то неизбежному. И невдомек ему, какое пагубное воздействие оказывает иной раз весь этот антураж из пальм и бархата на парня, явившегося к нему на прием.

Не сразу, но вдруг захватывают вещи власть над человеком, не сразу увидишь, как зародился или созрел сорняк мещанства. И думается мне: пусть не только побой, брань, пынство осуждаются на товарищеских судах, ведь такие виды преступлений наказуемы и советским законом. А вот пренебрежение к людям, «подножки» в делах, тайная ядовитая подлость, жадка к стяжательству — на такие вещи не всегда ставят подборки, а начини разбираться и обязательно отыщешь их виновника — мещанина с мелкой, себялюбивой душойкой.

М. ИСАКОВСКИЙ ОБ ЭТОМ НАДО СКАЗАТЬ РЕШИТЕЛЬНО И ПРЯМО

ПРАВО ЖЕ, получается какая-то вопиющая неадекватность. И об этом надо сказать решительно и прямо.

С одной стороны, наши газеты и журналы настойчиво призывают поэтов (как и всех других литераторов) к повышению мастерства. Это совершенно правильно, ибо поэт, который пишет сверху, в сущности говоря, не оправдывает своего назначения, не выполняет своего долга перед страной, перед народом. И вряд ли кому-либо нужны его кое-как сколоченные произведения.

С другой стороны, те же газеты и журналы, ратующие за высокое идейно-художественное качество нашей поэзии, поразительно охотно и часто предоставляют свои страницы для слабых, плохих, бессодержательных стихов. Причем слабые их настолько очевидны, что ее могут не заметить лишь совершенно слепые и глухие к поэзии люди. И то, что ее почему-то не замечают работники многих редакций, может вызвать лишь большее удивление.

Плохие стихи, при благосклонном отношении к ним некоторых редакторов, печатают многие поэты. Но, кажется, нет более усердного и более плодотворного в этом отношении поэта, чем Алексей Марков. Именно поэтому надо говорить в первую очередь о нем.

Из бесчисленного количества возможных примеров я приведу всего лишь несколько.

31 августа 1958 года «Комсомольская правда» напечатала несколько стихотворений Маркова под общим заголовком «Лярика». Читаем первое из них — «Храм полей». Вот его начало:

Россия, родина восходов, Вольнолюбивых ледоходов, Россия — родина берез.

Заметки к некоторым стихам Алексея Маркова

Веселых, плодородных гроз. Моей ты стала знойной кровью, Суровым гневом и любовью. Ты стала цветом наших глаз, И без тебя нет в мире нас.

Алексей Марков, как это нетрудно понять, хотел дать поэтический образ России, подчеркнуть некоторые ее особенности, показавшиеся ему характерными. Но от неумения ли, от поспешности ли и неразборчивости в выборе поэтических средств, но у него никакого образа не получилось. Вместо этого — лишь пустой набор случайных, необязательных, неточных слов и утверждений, которые, конечно же, ничего не определяют и не утверждают.

Алексей Марков называет Россию родиной восходов. Сказано это, может быть, и «красиво», но, к сожалению, произвольно, безаказательно и потому абсурдно. Неужели Марков не знает, что солнце восходит (родится) не в каждой в каждой стране, причем в предыдущей стране оно родится всегда раньше, чем в последующей? И прежде, чем взойти (народиться) в России, оно где-то уже давно народилось. Почему же в таком случае Россия — родина восходов? Утверждать это просто бессмысленно.

В данном случае не получается и аллегория, ибо всякая аллегория возникает обычно из реальной действительности. А тут никакой реальности нет.

Степан Шипачев в одном из своих стихотворений сказал о России, что над ней не заходит солнце никогда.

Это сказано хорошо, точно, а не произвольно, не впустую. Хорошо и в прямом, и в переносном (аллегорическом) смысле. Хорошо потому, что дает образное представление об огромности нашей страны: она такая большая, что не успеет солнце погаснуть на западе ее, как уже снова появляется на востоке. Хорошо потому, что дает почувствовать величие нашей страны, светлые начала ее жизни, ибо страна, над которой никогда не заходит солнце, не может не быть великой, светлой, радостной.

Возможно, Алексей Марков хотел сказать в своем стихотворении другое, а именно то, что в России восходы бывают какие-то особенные, свои. — ну, скажем, широкие, привольные, красочные, — одним словом, не такие, как в других странах. Сказать в таком смысле было бы вполне закономерно и соответствовало бы действительности. Марков, однако, предпочел почему-то утверждать то, чего на самом деле нет.

Но Россия, по Маркову, не только «родина восходов», но также и «родина вольнолюбивых ледоходов», и «веселых, плодородных гроз».

Здесь та же неточность, та же произвольность и путаница, как и в первом случае. Что ни утверждение, то — мимо цели.

Начнем с ледоходов. Разве ледоходы «родятся» только у нас в России? Отнюдь нет. Они бывают всюду, где только замерзает река, и бывают именно «вольнолюбивыми», поскольку вода рвет всеюю земные оковы, стремится на простор, на волю и широко, раздольно разливается.

О «грозях и березах» можно сказать то же самое. Грозы (в том числе и «плодородные») распространены буквально по всему земному шару, и утверждать, что они «родятся» только в России, — вздорно.

А березы? Разумеется, береза весьма характерна для русского пейзажа. Но она

широко распространена и во многих других странах мира. Поэтому, опять-таки, утверждать, что «родной берез» является Россия, значит говорить неправду.

Мне кажется, что все, о чем я писал выше, произошло оттого, что у Маркова, по-видимому, слабо развито чувство языка. В частности, бывает, что он путает значение одного слова со значением другого. В данном же случае он спутал понятие слова «родина» с понятием слова «страна». На самом деле, если бы он вместо слова «родина» поставил слово «страна», то было бы уже гораздо лучше, точнее. Россию вполне можно назвать «страной (а не родиной) берез», ибо березы у нас много и это характерно для России. Ее вполне можно назвать и «страной плодородных гроз» и «страной вольнолюбивых ледоходов», ибо и то, и другое есть в России в изобилии.

Однако пойдем дальше. В цитированном отрывке Марков говорит о России еще и так:

Моей ты стала знойной кровью...

Странное превращение. Как это страна может стать кровью (хотя бы и «моей»)? Трудно себе это представить даже аллегорически. Конечно, Россия — это наша родина, наша мать. Мы ее сыны. И в нас течет ее кровь, русская кровь. Однако же надо понимать, что если в смысле течет кровь матери, то это вовсе не значит, что мать стала, сделавшись кровью сына. А Марков изображает это дело именно так. И это еще одна неадекватность.

То же самое можно сказать и относительно строки: «Ты стала цветом наших глаз».

Безусловно, совершенно непонятно, почему Алексей Марков после фразы, обращенной к России: «м о е й ты стала знойной кровью...» и т. д., вдруг начинает говорить о себе почему-то во множественном числе, так сказать, величая себя «вы».

Ты стала цветом и аших глаз, И без тебя нет в мире нас. (Подчеркнуто мною. — М. И.)

Откуда взялись эти «наших» и «нас» и чем вызвано их появление? По всей видимости, мы вновь имеем дело с небрежностью автора, с неуменем или нежеланием его находить нужные слова.

Я сначала подумал: может быть, стихотворение «Храм полей» является у Маркова исключением из общего правила. Ведь у каждого поэта, даже самого лучшего, среди хороших стихов бывают и плохие. Может статься, и у Маркова так: среди хороших стихов попало одно плохое, вот и все.

Но оказалось, что все стихи Маркова, написанные в «Комсомольской правде» 31 августа 1958 года, едва ли лучше того, о котором я здесь говорил. Они больше похожи на первоначальные наброски, на черновые записки, чем на стихи, готовые для печати. (Некоторые исключения составляют, может быть, лишь небольшие стихотворения «Питивин»). Так что мое предположение не подтвердилось. Не подтвердилось оно и в дальнейшем, когда я ознакомился со стихами Маркова, напечатанными в других изданиях.

Одним словом, создается впечатление, что плохие стихи у Маркова преобладают, что пишет он их во множестве, пишет страшно небрежно и что это стало у него своеобразной «длинной повесницей».

И очень огорчительно, что некоторые услужливые редакция вместо того, чтобы остановить Маркова, чтобы сказать ему прямо и откровенно, что писать так, как он пишет, нельзя, что это уже не поэзия, а квазипоэзия, поэзия не настоящая, а мнимая, даже просто графоманство, — вместо этого они с непонятной поспешностью открывают перед стихами Маркова «зеленую улицу». К чему это? Надо ли, например, было газете «Литература и жизнь» печатать те три стихотворения Маркова, которые она напечатала 14 июня этого года? Вот одно из них — «Комары» (привожу полностью):

Ты стала цветом и аших глаз, И без тебя нет в мире нас. (Подчеркнуто мною. — М. И.)

Откуда взялись эти «наших» и «нас» и чем вызвано их появление? По всей видимости, мы вновь имеем дело с небрежностью автора, с неуменем или нежеланием его находить нужные слова.

Я сначала подумал: может быть, стихотворение «Храм полей» является у Маркова исключением из общего правила. Ведь у каждого поэта, даже самого лучшего, среди хороших стихов бывают и плохие. Может статься, и у Маркова так: среди хороших стихов попало одно плохое, вот и все.

Но оказалось, что все стихи Маркова, написанные в «Комсомольской правде» 31 августа 1958 года, едва ли лучше того, о котором я здесь говорил. Они больше похожи на первоначальные наброски, на черновые записки, чем на стихи, готовые для печати. (Некоторые исключения составляют, может быть, лишь небольшие стихотворения «Питивин»). Так что мое предположение не подтвердилось. Не подтвердилось оно и в дальнейшем, когда я ознакомился со стихами Маркова, напечатанными в других изданиях.

Одним словом, создается впечатление, что плохие стихи у Маркова преобладают, что пишет он их во множестве, пишет страшно небрежно и что это стало у него своеобразной «длинной повесницей».

И очень огорчительно, что некоторые услужливые редакция вместо того, чтобы остановить Маркова, чтобы сказать ему прямо и откровенно, что писать так, как он пишет, нельзя, что это уже не поэзия, а квазипоэзия, поэзия не настоящая, а мнимая, даже просто графоманство, — вместо этого они с непонятной поспешностью открывают перед стихами Маркова «зеленую улицу». К чему это? Надо ли, например, было газете «Литература и жизнь» печатать те три стихотворения Маркова, которые она напечатала 14 июня этого года? Вот одно из них — «Комары» (привожу полностью):

Ты стала цветом и аших глаз, И без тебя нет в мире нас. (Подчеркнуто мною. — М. И.)

Откуда взялись эти «наших» и «нас» и чем вызвано их появление? По всей видимости, мы вновь имеем дело с небрежностью автора, с неуменем или нежеланием его находить нужные слова.

Я сначала подумал: может быть, стихотворение «Храм полей» является у Маркова исключением из общего правила. Ведь у каждого поэта, даже самого лучшего, среди хороших стихов бывают и плохие. Может статься, и у Маркова так: среди хороших стихов попало одно плохое, вот и все.

Но оказалось, что все стихи Маркова, написанные в «Комсомольской правде» 31 августа 1958 года, едва ли лучше того, о котором я здесь говорил. Они больше похожи на первоначальные наброски, на черновые записки, чем на стихи, готовые для печати. (Некоторые исключения составляют, может быть, лишь небольшие стихотворения «Питивин»). Так что мое предположение не подтвердилось. Не подтвердилось оно и в дальнейшем, когда я ознакомился со стихами Маркова, напечатанными в других изданиях.

Одним словом, создается впечатление, что плохие стихи у Маркова преобладают, что пишет он их во множестве, пишет страшно небрежно и что это стало у него своеобразной «длинной повесницей».

И очень огорчительно, что некоторые услужливые редакция вместо того, чтобы остановить Маркова, чтобы сказать ему прямо и откровенно, что писать так, как он пишет, нельзя, что это уже не поэзия, а квазипоэзия, поэзия не настоящая, а мнимая, даже просто графоманство, — вместо этого они с непонятной поспешностью открывают перед стихами Маркова «зеленую улицу». К чему это? Надо ли, например, было газете «Литература и жизнь» печатать те три стихотворения Маркова, которые она напечатала 14 июня этого года? Вот одно из них — «Комары» (привожу полностью):

НИКЧЕМУШНОЕ

ГОЛОМОЗЫЙ всегда был приветлив и даже ласков. В дружбу он не лез — и какая могла быть у них дружба, если Алексей едва подбирался к соседям, а Голомозый, должно быть, и забыл, когда на его гладкой, как стальной абажур, голове было что-нибудь, кроме больших рыжеватых вуснушек? Однако он, прохаживая, не упускал случая заговорить, деликатно посочувствовать.

К концу смены разламывало спину, ноги наливались тяжестью. Тяжесть накапливалась и где-то внутри, нависала, давила сверху. Эту тяжесть нельзя было стряхнуть, от нее нельзя было уйти, извернуться, она нависала на плечи, пригибала в плечи. Так вот что и есть труд? И так будет всегда? Он вынырнул в памяти еще слова, которые слышал прежде о труде, о долге, доблести и героизме, — аршинными буквами они кричали на него со стальных плакатов и транспарантов. Но слова не помогали, они существовали сами по себе. А он из дня в день должен поднимать, вращать червяком железом, стоять и стоять, стучать и стучать молотком по кернеру, и ничего в этом героическом не было. Голомозый, когда Алексей сказал ему о своих сомнениях, скорбно вздохнул.

— Такие слова люди говорят в утешение. А суть в том, что человек обречен в поте лица добывать хлеб свой... Очень просто: надо жить, жить без лезения, а тебе за твои стоны и стук платят деньги. Другим — за другие. И человек должен терпеть... Но вот что, если и будет такая заманка, ты не стесняйся... Табельщик — человек маленький, но и от него кой-чего зависта. А я — всей душой... А как же? Волки и те в стаи сбиваются, подсобляют один другому. А мы ить — не волки, помогаем дружка дружке все одно, как брат брату, — это есть человеческое предназначение... Особенно охотно Голомозый говорил о том, что жизнь человеческая — путь тернистый, много на нем всяких соблазнов и испытаний. В одиночку человеку их не преодолеть, не вынести. Один человек, как колокол у дороги; и ветер его на все стороны клонит, и каждый прохожий затопчет. А нива засеянная, она, как стена, стоит — колокол в колодку, под ветром клонится, да не ломится. Если, конечно, посев не засорен клеветами... Мимолетом спросил, не верит ли Горбачев в бога. В бога? — удивился Алексей. — Да кто в него сейчас верит?

— Если про церковь, говорить, то немножко, — согласился Голомозый. — И что же удивительного? Душа человеческая жаждет познания истины, а в церкви какая может быть истина? Рысы, иконы, идолопоклонство языческое... Театр, а не религия. Не просят разум, а затемняют его.

В другой раз Голомозый начал спрашивать, как Алексею живется, что он делает в свободное время, не скучно ли в общезинити. В общезинити было скучно. Унылая голая комната, в которой стоял стол и шесть стул, нависла тоска. В ней старались находиться как можно меньше: спали, ели из бумажки записанные в гастрономии или на базаре ханси и спешили уйти в кино, в сад или просто так «прогуляться», лишь бы не сидеть в четырех остервеневших стенах. Иногда выпивали, но и это предпочитали делать в забегаловках, а если денег случилось больше, — в пельменной на главной улице.

Голомозый скорбно кивал головой. Да-да, верно, верно. Молодежь не знает, чем себя занять. Хлеб насущный ей обеспечен. А этого мало! Напятав тело, человек стремится выпить душу, а пища духовной не находит, бродит в потемках грубых людских развлечений. Однако, утлая жажда телесную, нельзя утолить жаждою духовною. И жажда эта иссушает человека, делает его черствым, равнодушным к ближнему. А ведь и марксистское учение говорит, что человек — существо общественное. Нельзя человеку замыкаться в своекорыстия, в одиночестве бродить по земле. Путь человека краток, и будет он бесплоден, как бесплодная оказалась смоковница... В братском единении, когда человек протягивает другому не только половину своей крашки, но и душу свою, тогда только он и познает полную радость... И есть люди, которые стремятся помочь другим, не таят души своей и сообщают иду светелому будущему... Если Горбачев хочет, он, Голомозый, может познать его с такими людьми. Они собираются вместе, беседуют, помогают друг другу и сло-

вом, и делом. И пусть он не думает, что там один старик. Там и молодежь, которая устала бродить впотмах и приоблилась к свету. И они не только наставляют друг друга, но и развлекают. Достойным образом. Поют, играют в разные игры...

— У вас кружок какой, самодельный или что? — спросил Алексей. — В самодельности я не хочу. — Не то чтобы — кружок... Да что рассказывать? Приходи, сам посмотри, послушай. Делать тебе ничего не надо. Мы никого не принуждаем...

ЕХАТЬ пришлось далеко, в самый конец Стрелки. Трамвай, как всегда в воскресенье, был забит полными, раскрасневшимися людьми. Не только мальчишки, но и взрослые целились за рамы окон, грозными висели по обе стороны вагона. На предпоследней остановке все хлынуло налево, к пляжу. Алексей пошел направо по чертовой мостовой узкой улочки. В конце туникового переулка возле калитки стоял Голомозый. Он обрадованно заулыбался, повел Алексея через сад к дому. Двор посреди сада был огорожен невысоким аякуратным заборчиком. Тут начиналась от порога к сараю толстая телеграфная проволока ходила холудом. От сарая к ним бросился рыжий пес. Коротко поджавившая шею нависла его обратно, пес запрокинул лапы, но сейчас же вскопал, яростно прыгнул на задних лапах. Натягивая шею, он душил сам себя, лаять уже не мог и только надсадно кричал. В большой комнате, как в кинотеатре, были расставлены ряды стульев и скамеек, перед ними стоял маленький столик, у стены приткнулась какая-то коричневая шкуровка, похожая на маленькое горбачье панно.

— Ну вот, устраивайся, — сказал Голомозый. Алексей сел в угол, за маленькой шаткой этажеркой. Что это? — показал он глазами на коричневую шкуровку. Фигуринка. Посиди немножко, я должен встретить.

Голомозый ушел. Сидящие вперед, ближе к стене, несколько девушек тихо и серьезно перешептывались. У противоположной стены стоял здоровенный, выше Алексея, парень. Он старался смотреть прямо перед собой, но и дело снахивал большие синеватые белки на девушку и моргал белыми тельчыми ресницами. Старушка в кружевной накидке склонилась над маленькой книжечкой и беззвучно шевеля губами, читала. Такая же книжечка была в руках наголо обритого мужчины в чудесном пиджаке. По-видимому, у него были полны или наскорм — он сидел с открытым ртом, в носу его непрерывно булькало.

В комнату тихонько и осторожно, будто к покойнику, входили новые люди, скрипя стульями, рассаживались. Последним, вместе с Голомозым, пришел коренастый розовощекий мужчина с подстриженной черной бородой. Под прищипанными усами его влажно поблескивали толстые красные губы. Он держался спокойно, двигался неторопливо, только глаза его, черные, маслянистые, зыркали по-цыгански горячо и быстро.

Голомозый и чернобородый прошли к столу.

— Братья и сестры, — сказал Голомозый. — Начнем наше собрание. Слово сегодня произнесет присланный к нам из Таганрога брат Павел...

Чернобородый открыл обернутую газетой толстую квадратную книжку, зыркнул по лицам слушателей.

— Собеседование наше посетят новые реченно Екхелесетта, глава четвертая, стихи девятый и десятый. — Он делал, как все дальновидные, отстранял книгу и торжественно прочитал: «Дваум лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их; ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его».

Брат Павел отложил книгу и строго посмотрел на слушателей.

— Что означают слова эти? К чему призывают они нас? Какие выводы должен сделать из них каждый? Двойно их значение, глубокий их смысл. Помогать ближнему в труде и беде его — нет дела более славного. Исцелять недужного, накормить алчущего, напоить жаждущего, поддержать слабого — это братьев во Христе откажетесь? Но недуги телесные, как бы ни были они мучительны, не самые страшные. Страшнее недуги духовные, слепота

особаиков» в декабре месяце, хотя это и невозможно поверить: ведь если дело было в городе, то в городе мальчишки кустов обычно не разводят вообще, а если в деревне, то там кусты разводят только летом и уж никак не в декабре и не в развалинах. Историки скажут, если Марков имел в виду деревню, то есть, вернее, помещичьи усадьбы, то это уже не были особаики, они назывались по-другому, что литератору не мешало бы знать.

Но суть не в этом. Суть в том главном выводе, ради которого и писалось стихотворение: «Зрелость нам дана, чтоб созидать».

Этот вывод, прямо скажем, опарашивает, — до такой степени он приятен, что волосы до того он сделал невпоян. Я не стану спорить, склонно ли детство к разрушению или не склонно. Это вопрос особый. Меня интересует другое: какие были у Маркова основания в данном конкретном случае обвинять детство в разрушительных тенденциях. В чем проявились эти тенденции, что такое разрушение или хотели разрушить дети? Образуется, ни о каких разрушениях дети даже не думали. Они просто собирались в развалинах «барских голубых особаиков», где играли, прыгали, лезли, в укранных уголках, может, даже производили «раскопки» и т. п. В чем же тут видна склонность к разрушению? Ни в чем. Ребят привлекла рома и я и ка раз в я и я, а вовсе не страсть к разрушению. Вот в чем дело. Марков же, вопреки здравому смыслу, сделал из ребят «разрушителей». Вышел, как мы уже видели, совершенно произвольный, бездоказательный. Он ни на чем не основан, он логически не вытекает из всего предыдущего, он не несет в себе никакой поэтической нагрузки. И это уже не есть поэтическое слово, это — пустословие.

Однако стихотворение Маркова небрежно и бездоказательно не только по отношению к детскому возрасту. Оно не

Николай Дубов закончил работу над новой повестью, которая является продолжением повести «Сирота». В «Сироте» главные герои — подростки; в новой повести они уже юноши и даже мужчины, молодые рабочие. О молодых людях, вступающих в жизнь, решающих вопросы «как жить», рассказывает новая повесть Николая Дубова.

Сегодня мы публикуем отрывок из этой повести.

безверия. Люди, бредущие по терниям житейским, рванят стопы свои, но, озаренные светом веры и знания, они видят цель и смысл жизни. Это придает им сил и бодрости, твердости духовной и телесной. Но они, счастливые, не должны забывать о ближнем, идущем рядом с ними, но не знающем, куда идти. Как бы ни было, их заблудших, много, каждый остается один, ибо с ними и в них нету бога...

Брат Павел говорил легко и бойко, слова сыпались из его красноречия рта гладкие и круглые, как колобки. Все внимательно слушали. Бритый сосед Алексея открытым ртом ловил слова проповедника, растроганно сопел и хлопал носом.

Алексей, пригнувшись, почти шептался за этажеркой. Уши его горели. Он пырнулся встать и уйти, но боялся, что все обернется на его шаг, и продолжал сидеть.

Вот так влиш! Если кто из ребят узнает — хана, замесует... Бог, вера, Христос, ить это было святошество, призрачное и ничемушное, что о них никто никогда не говорил всерьез. И не всерьез тоже. Они просто не существовали. Их не было. И все это знали. И даже слов таких не произносили. И вот, оказывается, есть какие-то книги про этого бога, и люди, которые их читают и уговаривают друг друга, что надо верить, чего-то такое делать и ждать, когда он снова придет на землю. Куда он придет, если к тому времени всоуду будет сплошной коммунизм? Зачем он там нужен?

Красногубый брат Павел все так же по-цыгански стрелял глазами и бойко сыпал круглые слова. Из этих слов получалось, что церковь стала на службу богатым и эксплуататорам, а истинная вера не знает никакого чиновничества, в ней нет ни священников, ни пророков, и это правильно, потому что отец Иисуса был пролетарием, имел специальность плотника, а сам Христос никиман имуществом не обладался, разоблачал богатых и заботился о бедных... Потом он говорил о смиреннии гордыни, о том, что каждый должен в этом тренироваться, не брезговать ближним, и чтобы воспитывать в себе смирение, полезно чаще проделывать обряд омовения...

Голомозый и его жена принесли несколько тазиков, разносамых мисок и полетенца. Брат Павел сел, разулус, Голомозый вымыл и вытер ему ноги. Потом сел Голомозый, и ноги ему вымыл брат Павел. То же самое проделала еще несколько человек. Тазики и полетенца унесли.

— А теперь споем, братья и сестры, наш псалом, — сказал брат Павел.

Старушка в наковле села к фигуринке, начала по очереди, будто ехала на велосипед, нажимать педали вправо, а руки положила на клавиши. Фигуринка громко задыхалась, из нее покатились глугучие гулавые звуки. Все затеяло. Пели в один тон и тоже почем-то гусаво, будто все сразу схватили страшный насморк. Алексей плохо понимал слова нудной песни, понял только, что в ней речь о том, как Христос снова придет на землю и устанется его тысячелетнее царство. Парень с тельчыми ресницами пел фальцетом, все время сбивался с тона, но не умолкал и особенно старательно выводил припев:

Как прекрасно, как прекрасно будет там, будет там! Как прекрасно, как прекрасно будет там, будет там...

Алексей отодвинул стул и, не таясь, вышел. Желтый нобель, увидев его, вскопал на дыбы и, полужаукавший шею, захрипел. Алексей поискал, чем бы него пунуть, но на чисто выметенном дворе не было ни камня, ни палки.

Новости ИСКУССТВА

Если ты нужен людям

ЗНАМЕНАТЕЛЬН Ы И разговор проходил в пьесе А. Зака и И. Кузнецова «Два цвета» между адонатом, распустившимся человеком Борисом Родным, и светловослым рабочим паренком Шурой Горьяевым. Шура врется к борьбе с хулиганами, терроризирующими молодежь заводского поселка, а Родин, снисходительно усмехався, объясняет Шуру: «Ничего, с этим скоро будет покончено. Уж поверь, как-нибудь государство с этим справится».

«А что такое государство, — замечательно возражает Шура. — Государство — это мы». Шура и не подозревает о том, что слова его — не что иное, как перефразированный, и притом перефразированный в самой глубинной его сути обезличенный афоризм. Он сказал только то, чему научила его короткая и чистая жизнь, жизнь советского юноши, комсомольца, сумевшего стать по-настоящему «нужным людям».

Прост и глубоко привлекателен и в спектакле Театра имени Ленинского комсомола этот совсем еще зеленый паренек, сумевший встать на рубеже чуждой строгости и мужественной ответственности за жизнь и судьбу своих товарищей. Молодой исполнитель этой роли Е. Атафонов

«Два цвета» в Ленинском театре имени Ленинского комсомола

возлюбленно передает внутреннюю цельность своего героя, его душевную честность и прямоту. И, как всегда в таких случаях бывает, правда характера Шуры Горьяева, правда его молодого комсомольского задора заставляет зрителя поверить в совершаемый им в спектакле путь — от первых робких побуждений к большому человеческому решению, к подвигу.

Шура Горьяев любим зрителями и сверстниками на сцене, зрителями в зале не за свою умозрительную правоту, а за добрую и честную человечность, за умение жить не для себя, а для всех. Атмосфера искреннего и верного товарищества, созданная в спектакле Театра имени Ленинского комсомола (режиссер П. Хомский, художник И. Сегал), особенно привлекательна потому, что в этой атмосфере ни в какой степени не отвлечены и не обезличены индивидуальные характеры юношей и девушек из поселка Касаткино. Угловатости и чуждый Шуре Слав Мелешко (артист Н. Волченков), неразлучные друзья

Большой и Маленький (артисты В. Петров и Г. Лупенин), незадачливый «континент» Жаров (артист В. Косарев), комсорг Дус Мувраева (артистка Г. Матвеева) — все это вполне отчетливые, хоть и лаконично очерченные образы.

С настоящим артистическим увлечением передает Н. Ургант душевную решимость Тамары, деятельную и властную энергию ее любви. Она полюбила Федьку Лукашеву — слабого и запугавшегося парня потому, что почувствовала в нем большую внутреннюю честность. Она любит в нем того заграничного, настоящего Федьку, которого лишь удача ее сердца. Сцена прощания Федьки — Г. Селляни и Тамары — одна из самых сильных в спектакле.

С поистине очерковой правдивостью и точностью рисуют авторы пьесы и спектакля обывателей и себялюбцев. По существу, внутри очень похожий друг на друга воинствующий коллектив Бабеев (артист П. Лобанов), готовый сражаться за каждый свой индивидуальный характер юношей и девушек из поселка Касаткино. Угловатости и чуждый Шуре Слав Мелешко (артист Н. Волченков), неразлучные друзья

Тема подвига, тема героического всегда была одной из главных тем нашей культуры. Советский народ ждал произведений, которые, как сказал Н. С. Хрущев на Третьей сессии ЦК КПСР, должны были страстно и звали на подвиги героические. Сегодня мы представляем новое произведение театра и кино, посвященное этой большой, волнующей теме.

широких и благородных понятий, — оба они живут под девизом «не вешиваться», «не лезть», беречь свое драгоценное спокойствие.

В лаконичной, подчеркнуто сдержанной игре О. Окуневича обнажается беспрестанный внутренний мир хулигана и проходимца Глухаря.

В ясном и светлом образе Шуры Горьяева и в откровенной фигуре Глухаря обрело живой человеческий смысл столкновение «двух цветов» жизни — черного и красного, воспетого в любимых Шурой стихах поэта Григория Поженяна:

Кто из нас в этот час расцветает
Смел бы спутать два
главных цвета?

Несмотря на гробовый рисунок авторы пьесы и спектакля обывателей и себялюбцев. По существу, внутри очень похожий друг на друга воинствующий коллектив Бабеев (артист П. Лобанов), готовый сражаться за каждый свой индивидуальный характер юношей и девушек из поселка Касаткино. Угловатости и чуждый Шуре Слав Мелешко (артист Н. Волченков), неразлучные друзья

С. ЦИМБАЛ

О тех, кто совершил подвиг

НЕЛЬЗЯ смотреть этот фильм и оставаться равнодушным. Моим соседом на просмотре был человек, переживший многое, долго воевавший и далеко не сентиментальный. Но когда в зале зажегся свет, я увидел, что он причесал меня покрасневшие глаза. Конечно, не потому только он был так взволнован, что снова увидел на экране ледовую «дорогу жизни», по которой блокадной зимой водил своих трехтолку, перевоза продовольствие в осажденный город. Дело не в личных воспоминаниях, хотя у всех у нас, ленинградцев, кто жил в городе в дни блокады, есть о чем вспомнить. Что-то большее увиделись в кадрах фильма...

Ведь и то, что эти кадры вообще были сняты, — это тоже подвиг. Недаром в начальных титрах фильма столько фамилий заключено в тонкую траурную рамку — на своем посту, как солдаты, погибли кинооператоры А. Выстров, Ф. Печул, В. Сумкин. Многие были ранены и контужены. Но сколько же неповторимых, живых черт тех грозных ленинградских «девятисот дней» сохранили они для нас, для истории!

Впрочем, фильм начинается кадрами сегодняшнего Ленинграда. Ленинградцы встречают зарубежных гостей. Вместе с ними мы попадаем в Музей истории города, в тот его зал, где висит портрет Тани Савичевой, маленькой ленинградки, умершей в 1942 году. Рядом с портретом — пожелтевшие листки с короткими страшными записками: «Женя умерла в 12.30 утра... Лена умерла в 5 утра... Мама умерла в 7.30 утра...»

Через весь фильм проходит эти трагические записки, подчеркивая и оттеняя его главную тему — тему борьбы и победы.

Фильм называется «Подвиг Ленинграда». Вот как был совершен этот подвиг, и вот те, кто совершил его, как бы говорят нам авторы фильма, развешивая кадр за кадром события героической ленинградской эпопеи. Уходит на фронт первые сформированные в Ленинграде части. Получают оружие добровольцы — коммунисты «Электросила», Кировского завода, «Большевика». Тысячи ленинградцев работают под городом, строя оборонительные рубежи. Первые бомбежки и обстрелы и... первые жертвы. Печаль-

Фильм «Подвиг Ленинграда»

ное личико четырехлетней девочки Жени Бать. Вражеский снаряд разрушил ее квартиру, сама она — ранена осколком. Заснеженный Невский, закутаные сгорбленные фигуры. Саночки, на которых везут тех, кто уже не в силах идти сам. И — мертвый! Но живут заводы Ленинграда, не смолкает шум станков в промерзших насквозь цехах. В пустой и холодной комнате с плотно занавешенным окном Дмитрий Шостакович пишет «Седьмую, ленинградскую»... Обходит затихшие эрмитажные залы академик Иосиф Орбели, подолгу останавливаясь перед статуями, разбитыми взрывом снаряда или бомбы. Безымянный солдат-сторож, с винтовкой за плечами, бесшумно дежурит в Артиллерийском музее, охраняя реликвию воинской русской славы.

И снова — Ленинград сегодня... Авторы фильма — сценарист И. Колтенко, режиссеры Е. Учитель и В. Колосов — решили продолжить то, что было начато их товарищами — журналистами, кинооператорами, поэтами — в годы войны, проследить судьбы защитников города до наших дней. Всем по-новому «звучат» в финале кинокартины многие уже виденные кадры. Они вторично возникают на экране, на мгновение, как напоминание, — и сразу же их сменяют новые только что снятые эпизоды. Электросилосового рабочего Павла Черныatina мы видели в фильме в числе добровольцев, получающих оружие перед отправкой на фронт. Теперь мы снова встречаем его на заводе. В строю добровольцев-ки-

Дневник Тани Савичевой. Кадр из фильма «Подвиг Ленинграда».

ровцев стояли наладчик Николай Ярославцев и его товарищ по работе старший коммунист Павел Башлятов. Первый из них, прйдя с войны, снова работает у своего станка, второй — возглавляет цеховую партийную организацию. Павло вернулся к своей мирной профессии и бою народного ополчения Огородников — ученый, астроном, крупнейший специалист по далеким галактикам. Удалось найти и Женю Бать, девочку, раненную осколком фашистского снаряда. Она — музыкант, студентка Ленинградской консерватории.

Таких встреч в фильме немало. И они рождают у зрителя ощущение большой исторической перспективы.

Документальный фильм «Подвиг Ленинграда» вновь напомнил нам о днях героической ленинградской обороны, о людях, оставшихся врага у стен родного города. Напомнил о том, о чем нельзя забывать.

А. ПОЛОВНИКОВ

Опера о поэте

ЖАНР биографического спектакля, как известно, тант в себе большие трудности. И нужна была настоящая творческая смелость, чтобы средствами оперного искусства рассказать о нашем современнике, поэте-герое Мусе Джалиле. Эту смелость проявил композитор Назиб Янгенов, друг Джалиля. Вместе с поэтом А. Файзи, написавшим либретто оперы, Н. Янгенов воссоздал светлый образ поэта, по-смертно ставшего Героем Советского Союза, удостоенного Ленинской премии.

Опера «Джалиль» еще в 1957 году, в дни декады татарского искусства и литературы в Москве, получила признание и высокую оценку московской общественности. И вот «Джалиль» поставлена Большим театром Союза ССР.

...Мрачная, покрытая ржавой плесенью, с темными, слепыми глазами стена Моабитской тюрьмы в Берлине. Все действие оперы происходит в страшном подземелье, здесь томится Муса Джалиль. Лишь свободная мысль поэта все время вырывается на простор, обращаясь к отчизне, к родным и друзьям.

Напыльями прохладят эпизоды и сцены с родными, воспоминания о любимой Казани, появившейся в ярких лучах солнца, кровавые сцены боя и пламя пожарищ... Постановщики Б. Похровский, Г. Миллер и художник В. Рыдин нашли оригинальную форму для постановки оперы — поэмы, оперы-симфонии. Конечно, в этом решении многое взято от кинематографа с его приемами напыльями, частой сменой кадров. И тем не менее это чередование видений и воспоминаний, с реаль-

этой партией, представляющей большие актерские и вокальные трудности.

Приглашение татарского актера на эту роль вполне закономерно, однако жаль, что руководителем Большого театра не выдвинуто в то же время из своей многочисленной труппы молодой исполнитель, хотя бы в порядке дублерства.

К удачам спектакля следует отнести также исполнение партии татарской женщины Хаят артисткой И. Архиповой. Менее интересна Н. Соколова в роли жены поэта.

Огромную работу проделал Б. Хайкин. Видимо, о нем тоже следует говорить как об одном из постановщиков спектакля. Его рука, рука опытного музыканта, дирижера, педагога, чувствуется в каждом такте тонко и темпераментно прочитанной партитуры.

О вдохновенной музыке композитора Н. Янгенова, проникнутой подлинным драматизмом и ярким оптимизмом, по глубине чувств не уступающей поэзии Джалиля, много писали и еще не раз будут писать, оценивая то новое, что дал Янгенов для татарской оперы, для современного музыкального спектакля. В короткой статье достаточно полно об этом не скажешь. Во всяком случае, ясно одно: музыка Янгенова и спектакль Большого театра еще раз доказали, что опера — подвластная современная героическая тема, что это тот путь, которым надо идти.

Владимир ВЛАСОВ, композитор

этой партией, представляющей большие актерские и вокальные трудности.

Приглашение татарского актера на эту роль вполне закономерно, однако жаль, что руководителем Большого театра не выдвинуто в то же время из своей многочисленной труппы молодой исполнитель, хотя бы в порядке дублерства.

К удачам спектакля следует отнести также исполнение партии татарской женщины Хаят артисткой И. Архиповой. Менее интересна Н. Соколова в роли жены поэта.

Огромную работу проделал Б. Хайкин. Видимо, о нем тоже следует говорить как об одном из постановщиков спектакля. Его рука, рука опытного музыканта, дирижера, педагога, чувствуется в каждом такте тонко и темпераментно прочитанной партитуры.

О вдохновенной музыке композитора Н. Янгенова, проникнутой подлинным драматизмом и ярким оптимизмом, по глубине чувств не уступающей поэзии Джалиля, много писали и еще не раз будут писать, оценивая то новое, что дал Янгенов для татарской оперы, для современного музыкального спектакля. В короткой статье достаточно полно об этом не скажешь. Во всяком случае, ясно одно: музыка Янгенова и спектакль Большого театра еще раз доказали, что опера — подвластная современная героическая тема, что это тот путь, которым надо идти.

Владимир ВЛАСОВ, композитор

остальная «мошкарка» действует в дневное время, и ясная солнечная погода еще больше активизирует ее.

Короче говоря, утверждение Маркова, что «свет с незаманливой поры — враг возможной мошкарки» абсолютно не прав и абсурдно. Стало быть, и стихотворение, целиком построенное на этом ложном утверждении, также ложно и бессмысленно.

Но «Помаи» Маркова отнюдь не единственное стихотворение, где у него не сходится концы с концами, где все случайно и шатко, где «философия» сама произвольна.

Стихотворение «Возраст», напечатанное в № 24 журнала «Огонек» за 1959 год, не уступает «Комарам» по своей бездоказательности, по нелогичности выводов. Привожу его также полностью:

Я любил мальчишью развалины Барских голубых особаиков. Здесь с вагатов ребятиг отчаянной Бзд до вечера играть готов.

Здесь скрывались мы от зноя летнего, Развалили в декабре костры... Сколько было угловок привлекательных! Вспоминаю их до сей поры.

А сегодня не найду желаннее Места, где возводат этажи. Поглядя на солнечные здания, Ароматом стружки подыши.

Мастерка широкие движения Дирижерской палочки под старту. ...Видно, детство склонно к разрушению, Зрелость нам дана, чтоб созидать.

Можно оставить на совести автора невразумительное начало стихотворения, но дальше никакого представления ни о времени, ни о месте действия: о каких «голубых особаиках» идет речь, когда они разрушены, кто их разрушил и по какому поводу, где это было — в городе, в деревне?

Отсутствие конкретных черт, полная неопределенность создают впечатлительные пустоты, нереальности происходящего.

Можно не обращать внимания и на коряги, которые мальчишки якобы развалили в развалинах «барских голубых

